

ЭПИГРАФ КАК КОДИРУЮЩАЯ ЕДИНИЦА ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ВАЛЬТЕРА СКОТТА «АЙВЕНГО»)

Аннотация. В данной статье рассматривается эпиграф как кодовая единица текстологии, декодирование которой происходит на поверхностном уровне в стилистической манере автора, где наблюдается обязательное взаимодействие авторского ракурса и сюжетной перспективы, которое совмещается в пределах функциональной смысловой зависимости.

Ключевые слова: эпиграф – короткий текст, помещаемый автором перед сочинением или его частью. Вносит дополнительную точку зрения на предмет изображения, проясняя его смысл, указывает на традицию, к которой примыкает произведение.

Инвариант – неизменяемая сущность речевого комплекса, содержащая наиболее важную информацию и играющая роль интегрирующего центра, для раскрытия которого требуется либо речевая ситуация, либо вариативное расширение.

Семантическое ядро – сумма инвариантов, переосмысленная на основе их взаимодействия с вариативным расширением.

Центральное звено – единица глубинного уровня текста, формируемая на основе синтеза семантических ядер при помощи логического стержня.

Смысловый узел – основа речевой ситуации текстологического плана, представляющая синтез центральных звеньев, выражающих многогранность смыслового узла и реализующих его содержательный, мировоззренческий и коммуникативный аспекты.

Авторский ракурс – прямолинейно закодированный макет текста, представляющий смысловой узел на глубинном уровне.

Сюжетная перспектива – прерывистая и зигзагообразная линия повествования, декодирующая прямолинейно закодированный авторский ракурс на поверхностном уровне текста, реализующая расстановку основных смысловых, мировоззренческих и коммуникативно-психологических акцентов в произведении.

Современное языкознание строится на положении Ф. де Соссюра о разделении языковой материи на язык и речь [7, 42].

Данное положение получило свое развитие в трехуровневой системе языкового абстрагирования И.Г. Кошевой [3, 27], в рамках которой первый уровень является мыслительным, где происходит корреляция (установление связи) объектов действительности с сознанием индивида и реализуется центростремительная или центробежная направленность структурной формы данного уровня – позиции. При переходе на второй уровень объект корреляции получает свое языковое оформление средствами коррективности (которые присваивают линии корреляции структурное, смысловое и фонетическое определение) в рамках одной из моделей предложения – структурной формы данного уровня. Третий же уровень является коммуникативным. Ему присуще значение элективности, согласно которому из множества синонимичных конструкций, существующих в языке, для выражения мысли выбираются те, что, по мнению говорящего, соответствуют данной речевой ситуации [4, 28]. На элективность, с одной стороны, влияет социальное положение, уровень образования, мировоззрение и прочие факторы, присущие конкретному индивиду, с другой – описываемая им речевая ситуация. Минимальной структурной формой данного уровня является речевой комплекс, а максимальной – текст.

Определение текста прошло путь от его понимания как произведения речи, зафиксированного на письме [1], до законченной структурной и смысловой единицы письменного вида речи, которая строится как единство всех входящих в него текстовых сегментов [4, 103].

Говоря о кодировании смысла, видится целесообразным начать с его определения. Смысл определяется Большой советской энциклопедией как целостное содержание какого-либо высказывания, не сводимого к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения. Смысл обычно противопоставляется значению и может означать: совокупность внеязыковых характеристик содержания, в отличие от значения как обобщения его внутриязыковых характеристик, семантическую характеристику целого высказывания или текста, в отличие от значения [2, 213].

Ниже мы будем рассматривать смысло-

вую организацию текста как систему кодовых единиц глубинного уровня, группирующуюся вокруг смыслового узла, который задается функциональной смысловой зависимостью и является синтезом центральных звеньев. Действие функциональной смысловой зависимости предполагает иерархическое членение смысловой структуры текста как на глубинном, так и на поверхностном уровнях.

Исходной и минимальной единицей функциональной смысловой зависимости является инвариант, представляющий собой кодированный компонент смысла, располагающийся на глубинном уровне и вычленимый на основе его константного значения, являющегося доминантным для определенного речевого комплекса. Таким образом, инвариант формируется на основе действия микросемантической оси, выделяющей логически акцентированную часть речевого комплекса, заключенную в транзиторе предикативности как речевом сказуемом, однако не исчерпывающийся ею. Дело в том, что речевая ситуация не всегда требует полного оформления речевыми средствами, так как иногда для ее дефиниции достаточно и эллиптических конструкций, представляющих собой лишь рему данного речевого комплекса. Дешифровка остальных частей происходит за счет самой речевой ситуации. В этом случае речевой комплекс выражается синтезирующим типом лексики при помощи сенсатов, агглютинатов или модальных единиц лексики [4, 20].

В романе Вальтера Скотта «Айвенго» [8] каждой главе предшествует эпитафия. Эпитафия определяется Большой советской энциклопедией как короткий текст, помещаемый автором перед сочинением или его частью [2, 213]. Однако нам представляется, что эпитафия является более сложным языковым понятием, сущность которого требует специального лингвистического исследования, во-первых, в плане выявления его глубинных связей со следующим за ним текстом, а во-вторых, в плане выявления его статуса как текстологической единицы.

В романе «Айвенго» эпитафии состоят из одной или нескольких фраз, связанных между собой по смыслу, что позволяет сделать вывод о том, что фразы в каждом отдельно взятом эпитафическом явлении являются вариативным расширением инвариантов, кодирующих смысл на глубинном уровне.

Приведем пример для иллюстрации сказанного:

Эпитафия к главе 29

Ascend the watch-tower yonder, valiant soldier,

Look on the field, and say how goes the battle.

Schiller's Maid of Orleans [8, 240]

О воин доблестный, взойди на башню,

Взгляни на поле, расскажи о битве.

Шиллер. Орлеанская дева [6, 295].

По своей структуре и типу данный эпитафический является многоступенчатым речевым комплексом нейтрального типа. Он выражен неусложненной фразой, на языковом уровне состоящей из одного предложения. Транзитором субстантивности, как речевым подлежащим, является обращение к воину. Функциональная перемежающаяся зависимость формирует в этом статичном центре детализацию при помощи средств адъективности, которая на языковом уровне выражена прилагательным «доблестный». Транзитор предикативности многоступенчат. Его первой ступенью выступает просьба взойти на башню, второй – взглянуть на поле, третьей – рассказать о битве.

В связи с тем, что микротема представляет собой свернутую дефиницию речевой ситуации, выраженной в речевом комплексе, она оказывается тем отправным центром формирования инварианта, который возникает на основе выделения логически доминантной части всей микротемы. Такое рассмотрение позволяет заключить, что инвариантом данного эпитафического выступает выраженная в транзиторе предикативности просьба взойти на башню, взглянуть на поле и рассказать о битве.

Следовательно, областью соответствия данного инварианта по его отношению к главе можно считать просьбу Айвенго, с которой он обращается к Ревекке, ухаживающей за его ранами, взглянуть из окна и рассказать о ходе битвы. Несмотря на то, что эпитафия инносказателен и поэтому буквального соответствия нет (Ревекка не является воином), эта информация понадобится автору при формировании семантического ядра (см. ниже).

В ходе изложения главы, то есть на поверхностном уровне, Ревекка описывает весь ход битвы, которая идет между норманнами и отрядом разбойников, выступающих под предводительством Черного рыцаря.

Таким образом, указанное соответствие формирует статичный центр главы – исходный пункт формирования семантического ядра, строящегося, как и инвариант, на основе логического выделения доминантной части. Однако в данном случае логически выделяемой частью является не микротема, а тема, являющаяся свернутой дефиницией речевой ситуации тематического плана. Именно она задает основу действию уже не микросемантической, а семантической оси,

которая проходит через рему главы, тем самым формируя ее семантическое ядро.

Рема главы заключается в разговоре между Айвенго и Ревеккой о смысле и величии подвига, на сущность которого у каждого из них сложились различные взгляды: “How little he knows this bosom,” - she said, - “to imagine that cowardice or meanness of soul must needs be its guests, because I have censured the fantastic chivalry of the Nazarenes! Would to heaven that the shedding of mine own blood, drop by drop, could redeem the captivity of Judah! Nay, would to God it could avail to set free my father, and this his benefactor, from the chains of the oppressor! The proud Christian should then see whether the daughter of God’s chosen people dared not to die as bravely as the vainest Nazarene maiden, that boasts her descent from some petty chieftain of the rude and frozen north!”

She then looked towards the couch of the wounded knight.

“He sleeps,” - she said; - “nature exhausted by sufferance and the waste of spirits, his wearied frame embraces the first moment of temporary relaxation to sink into slumber. Alas! is it a crime that I should look upon him, when it may be for the last time? — When yet but a short space, and those fair features will be no longer animated by the bold and buoyant spirit which forsakes them not even in sleep! — When the nostril shall be distended, the mouth agape, the eyes fixed and bloodshot; and when the proud and noble knight may be trodden on by the lowest caitiff of this accursed castle, yet stir not when the heel is lifted up against him! — And my father! — oh, my father! evil is it with his daughter, when his grey hairs are not remembered because of the golden locks of youth! — What know I but that these evils are the messengers of Jehovah’s wrath to the unnatural child, who thinks of a stranger’s captivity before a parent’s? who forgets the desolation of Judah, and looks upon the comeliness of a Gentile and a stranger? — But I will tear this folly from my heart, though every fibre bleed as I rend it away!”

She wrapped herself closely in her veil, and sat down at a distance from the couch of the wounded knight, with her back turned towards it, fortifying, or endeavouring to fortify her mind, not only against the impending evils from without, but also against those treacherous feelings which assailed her from within” [8, 248].

Эти слова характеризуют Ревекку как храброго, решительного и сильного человека, которому присущи честь, достоинство, и который готов сражаться за свой народ, за своего отца и который способен поставить религиозные убеждения выше собственных чувств. Такие мысли переда-

ют динамику статичного центра главы, совпадающего на основе действия семантической оси с инвариантом эпитафа.

Так, элементы, не вошедшие в область совпадения эпитафа с главой на уровне формирования темы (вариативный остаток эпитафа, которым является транзитор субстантивности «доблестный рыцарь»), синтезируются с ремой главы, образуя семантическое ядро мужества и силы духа Ревекки, ее преданности своей вере и своему народу, и характеризуют ее именно как доблестного рыцаря. Однако в главе речь идет не просто о мужестве Ревекки. Ведь Айвенго объясняет непонимание Ревеккой вопросов доблести и славы ее принадлежностью к другой вере, что, однако, противопоставляется автором мыслями Ревекки, приведенными выше. Это значит, что принадлежность Ревекки к другой вере ничуть не мешает ей понимать вопросы доблести, чести и преданности. Однако ее понимание отличается от понимания Айвенго, и в этом смысле автор стоит на стороне Ревекки, показывая ее внутреннюю борьбу в приведенной выше цитате.

Вопроса религиозных разногласий и отношений между еврейским народом и христианами в романе касается еще несколько семантических ядер, которые, на основании действия логического стержня, стягиваются в центральное звено несогласия автора с тем положением вещей, когда религиозные распри влияют на отношение людей друг к другу.

Данный вывод основывается на присутствии в романе нижеприведенных семантических ядер, рассмотрение синтеза которых, в силу ограниченности объема статьи, здесь не приводится.

Проводимая нами нумерация семантических ядер идет в соответствии с нумерацией глав романа. Так, семантическому ядру 5 соответствует синтез инварианта эпитафа к главе 5 и инварианта этой главы, соответствующего инварианту эпитафа на основе действия семантической оси.

Семантическими ядрами, входящими в центральное звено несогласия автора с притеснением представителей одной религии представителями другой являются следующие:

Семантическое ядро 5: недоумение автора по поводу преобладающего в современном ему обществе притеснения людей той религии, которая не является главенствующей.

Семантическое ядро 6: корыстный интерес в основе оказания помощи саксонца – еврею.

Семантическое ядро 10: использование богатств иноверцев в целях наживы.

Семантическое ядро 22: жестокость в от-

ношении иноверцев со стороны норманнов (данное семантическое ядро сочетается с центральным звеном эгоистичности норманнов, которым чужда истинная любовь, - но его рассмотрение не входит в данную статью).

В центральном звене несогласия автора с религиозными распрями, выливающимися в притеснение представителей народа иной веры и сочувствия им, доминирующим является семантическое ядро 5. Содержательный аспект передает семантическое ядро 6, а психологическое подключение читателя к описываемой макротематической речевой ситуации происходит при помощи семантических ядер 10 и 22.

Необходимо также заметить, что семантическое ядро может передавать сразу несколько аспектов, включая даже все три. В этом случае отнесение его к той или иной категории (мировоззренческой, содержательной или коммуникативной) происходит за счет выделения его ведущего аспекта как при отдельном рассмотрении, так и в рамках данной макротематической речевой ситуации, задаваемой логическим стержнем. Данное положение соответствует и определению смысла, приведенному выше, поскольку именно смысл определяет значения составляющих его компонентов, а сама зависимость структурных элементов является двусторонне направленной: как снизу вверх (от значения элементов – к их общему смыслу), так и сверху вниз (от общего смысла к рассмотрению значений, его определяющих).

Далее данное центральное звено, образованное в процессе слияния семантических ядер, синтезируется с другими центральными звеньями на основе авторского ракурса, который объединяет центральные звенья в смысловой узел. В основе такого объединения лежит содержание, целевая установка автора и элективность.

Декодирование смыслового узла на поверхностном уровне, как отмечалось, происходит при помощи сюжетной перспективы через контекст, в структурном отношении равный текстологической речевой ситуации и раскрывающийся через многомерность всех сюжетных линий, представленных в однозначной интерпретации, что определяется моностатичностью целевой установки автора в отношении своего произведения.

Для того, чтобы понять целевую установку автора при написании произведения и то, какой смысл он в него вкладывал, необходимо определить, каким образом между собой соотносятся центральные звенья – самые крупные составляющие смыслового узла. Как было отмечено, центральные звенья соотносятся в тексте при

помощи авторского ракурса. Авторский ракурс является линией семантико-логического стержня, представленной автором, в которой он допускает деление сюжета на определенные ключевые моменты [3; 4; 5]. Они сосредоточены в центральных звеньях и распадаются на семантические ядра и далее - на инварианты (хотя читатель встречается с ними в обратном порядке и при чтении имеет дело не с глубинным, а с поверхностным уровнем, где действуют соответствующее инвариантам вариативное окружение, семантическим ядрам – фон, центральным звеньям – периферия; и выводит для себя понимание смысла этих структурных элементов самостоятельно, но обязательно тождественно замыслу автора, в чем и заключается его задача при написании произведения).

Соотношение центральных звеньев на линии авторского ракурса формирует смысловой узел, роль которого состоит:

1) в определении границ речевой ситуации текстологического плана,

2) в соотношении центральных звеньев в такой последовательности, которая зависит от необходимости выразить коммуникативный, содержательный и мировоззренческий аспекты,

3) в представлении этого синтеза позиций читателю при помощи психологического подключения его к описываемой речевой ситуации текстологического плана.

Все эти задачи на глубинном уровне реализуются при помощи авторского ракурса, который располагает центральные звенья последовательно, создавая таким образом схематичный макет произведения, в котором закодирован смысловой узел.

Декодирование же смыслового узла на поверхностном уровне происходит в тексте за счет действия такого структурного смыслового и коммуникационного явления, как сюжетная перспектива, которая выводит смысловые линии произведения на поверхностный уровень при помощи контекста – самого крупного элемента поверхностного уровня текста, в то время как смысловой узел, соответственно, является самым объемным элементом глубинного уровня. Таким образом, функциональная смысловая зависимость переводит глубинный уровень на поверхностный через сюжетную перспективу, разрывая прямую линию авторского ракурса и композиционно располагая ее в тексте прерывисто, зигзагообразно с целью заинтересовать и заинтриговать читателя. Таким композиционным маневром автор пытается заставить читателя занять позицию, которой он руководствовался при написании произведения.

Итак, эпиграф, хоть и выступает своего рода текстом в тексте, но, как показывает исследование, не является в нем чужеродным элементом. Автор отбирает эпиграфы таким образом, чтобы сосредоточить внимание читателя на совершенно определенных моментах в тексте главы. Это происходит таким образом, что инвариант, содержащийся в эпиграфе, формирует ту семантическую ось, на которую как бы нанизывается инвариант главы. В своей совокупности данные компоненты создают семантическое ядро главы. Далее семантическое ядро, объединяясь с другими семантическими ядрами на основе логического стержня, образует одно или несколько центральных звеньев, которые, нанизываясь на линию авторского ракурса, формируют смысловой узел, наиболее точно и однозначно несущий в себе смысл романа в его психолого-коммуникативной и мировоззренческой направленности.

Необходимо особо подчеркнуть, что данное членение подается автором в той последовательности, в которой он хочет преподнести его читателю. При написании произведения автор вначале мысленно строит тот кодовый макет романа, который декодируется им с помощью сюжетной перспективы во время написания. Это значит, что автор подает этот макет в такой последовательности, чтобы заинтересовать и завербовать читателя на свою сторону. Поэтому прямая линия авторского ракурса, состоящая из последовательно следующих инвариантов, семантических ядер и центральных звеньев, явно нарушается. Для однозначного понимания того, из каких же именно инвариантов будет строиться смысловая структура произведения, автор подбирает к каждой главе соответствующий ей эпиграф, который позволяет совершенно точно выстроить смысловой узел и однозначно определить идейный, смысловой и содержательный замыслы автора при написании романа.

Таким образом, эпиграф является одним из ведущих компонентов творческой лаборатории писателя, лежащих в основе иносказательного представления сюжета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская Энциклопедия, 1966. – 607 с.
2. БСЭ, гл. ред. А.М. Прохоров, 3-е издание. – М.: Советская Энциклопедия, 1978. Т. 30. – 632 с.
3. Кошечкина И.Г. Курс сравнительной типологии английского и русского языков. – М.: Высшая школа, 2008. – 327 с.
4. Кошечкина И.Г. Текстобразующие структуры языка и речи. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. – 169 с.

5. Родина Н.В. Авторский ракурс в средневековой народной англо-шотландской балладе, автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 2005. – 26 с.
6. Скотт В. Айвенго. – М.: Дрофа-плюс, 2005. – 510 с.
7. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.
8. Scott W. Ivanhoe. – Wordsworth Editions Limited, 1995. – 439 p.

V. Larkin

EPIGRAPH AS A CODING UNIT OF PROSE (DISPLAYED WITH "IVANHOE" BY W. SCOTT)

Abstract. This article deals with epigraph as a coding unit of textology, the decoding of which presupposes the mutual contact with the upper level of speech abstraction, where the author's foreshortening and functional perspective coincide in the limits of the functional semantic dependence.

Key words: Epigraph – a short text that the author puts before his work or a part of it. It introduces an additional point of view on the work, making the sense clearer and pointing to the tradition to which the work belongs.

Invariant – unalterable meaning (essence) of speech complex, containing the most important bit of information and involving the role of integrating centre, which requires either speech situation or variant for its disclosure.

Semantic core – the sum of invariants, reviewed on the basis of their interaction with variants.

Central segment – a unit of the profound dimension of text, formed on the basis of the synthesis of the semantic cores with the help of the logical line.

Sense knot – a synthesis of central cores, which disclose the catholicity of sense knot and implementing its substantial, world-view and communicative aspects.

Author's foreshortening – directly encrypted model of text, representing sense knot in the profound dimension.

Subject perspective – an interrupting and zigzag line of narration, decoding directly encrypted author's foreshortening in superficial dimension of text.